

Михаил Калецкий: жизненный путь и научный вклад. К 100-летию со дня рождения

© С.С.Дзарасов, 1999

Михаил Калецкий (1899–1970) является всемирно известным ученым, с именем которого тесно связано развитие современной экономической мысли. Развивая рикардианско-марксистскую традицию, он предвосхитил основные идеи Кейнса и параллельно с ним разработал теорию и модели функционирования экономики. Однако ввиду «ревизионистского» характера взглядов Калецкого его труды мало печатались в СССР, а потому остаются малоизвестными и в современной России. В публикуемой статье предпринята попытка восполнить отмеченный пробел. Статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена человеческой судьбе Калецкого, его жизненному пути и теоретическим истокам его учения. Во второй части, которая будет опубликована в следующем номере, речь пойдет о его вкладе в современную экономическую теорию, тех конкретных вопросах, разработкой которых он, в том числе, заложил и основы марксистской эконометрики.

Михаила Калецкого многие с полным на то основанием считают если не превосходящим Кейнса, то, по крайней мере, равным ему по научному вкладу, выдающимся экономистом XX века. Проницательные и нестандартно мыслящие экономисты говорили об этом еще при жизни Калецкого. После его смерти в 1970 году число тех, кто оценивает его столь высоко, все время увеличивается.

На Западе имя Калецкого, по крайней мере, в академических кругах, получило

довольно широкое признание. Но о России этого сказать нельзя. За пределами ограниченного круга специалистов он мало кому известен. В учебниках по экономике его имя обычно не упоминается, в то время как разработанные им идеи и модели объясняют происходящие у нас процессы глубже и реалистичнее, чем многие принятые постулаты неоклассической теории.

Летом 1999 года исполняется 100 лет со дня его рождения. Научная обществен-

ность не только Польши, где родился и умер Калецкий, но и ряда других стран, в частности Великобритании и США, где он долгие годы работал, отмечает это событие. К сожалению, Россия, которая больше других нуждается в изучении и использовании экономического учения М. Калецкого, остается от этого в стороне. Желая в меру своих ограниченных сил восполнить этот недостаток, я предпринял в предлагаемой статье попытку представить читателю этого незаурядного учёного.

1. Выдающийся экономист XX века

Как на Западе, так и у нас достойному признанию Калецкого всегда мешало его марксистское «происхождение» и связь его теоретической концепции с социалистическим движением. Запад в свое время чуждался его потому, что он был не либералом, а социалистом, а «реальный социализм» Советского Союза и Польши – потому что он не был ортодоксальным марксистом. Среди коммунистов он не получил должного признания за свой «ревизионизм», а среди либералов – за связь с социалистическим идеалом.

И в том, и в другом случае мы имеем дело с чуждым науке предвзятым идеологическим подходом. Если же освободиться от такого подхода и попытаться объективно оценить личность и творчество Михаила Калецкого, то кроме Кейнса, едва ли кого-нибудь можно поставить с ним рядом из числа экономистов XX века. Хотя Калецкий даже на Западе не имеет такого всеобщего признания как Кейнс, но многие посткейнсианцы ставят Калецкого выше Кейнса. Здесь, так же как в других подобных

случаях, нашим лучшим помощником становится время. Чем дальше оно идет, тем выше поднимает имя человека, творчество которого с годами приобретает все больший смысл и значение.

«Кембриджский журнал экономики» (The Cambridge Journal of Economics) ставит Калецкого рядом с Марксом и Кейнсом на том основании, что именно эти трое, по мнению журнала, внесли наибольший вклад «в осмысление и трактовки современных экономических и социальных проблем» (Sawyer, 1985, p.1). Столь особое место Калецкого в науке, как мы постараемся показать, не является общепризнанным главным образом в силу ряда историко-культурных обстоятельств. Пока же отметим, что определенную роль в этом несомненно сыграли те качества Калецкого, в силу которых стремление к личному тщеславию было ему глубоко чуждо. В этой связи интересно привести слова, с которыми Гэлбрейт обратился к Калецкому в день его 70-летия. «Хотел бы я знать, понимаете ли Вы, – писал он юбиляру, – сколь многим некоторые из нас и мир вокруг обязаны интеллектуальному капиталу, который Вы создали за истекшие десятилетия. Я поражен сколько людей в Гарварде используют Ваши идеи без упоминания Вашего имени, и даже, при случае, имя Калецкого используется как абстракция. Я думаю, что есть что-то приносящее особое удовлетворение в том способе, в котором Вы сделали это без уступок, торгашества и банальности. Годами я сознательно пытался пропагандировать свои идеи. Вы – никогда» (Feiwel, 1975, p.17).

Уже тогда многие специалисты высоко ценили вклад Калецкого, а разработанные им теоретические решения и экономико-

математические модели оживленно обсуждались его многочисленными поклонниками и последователями в различных странах. Это прежде всего относится к тем, кто заложил основы получившего ныне широкое развития посткейнсианского направления экономической мысли – Дж. Робинсон, Калдор, Сраффа, Клауэр, Вайнтрауб, Крегель, Мински, Лейонхуфвуд, Дэвидсон, Эйхнер и другие.

Однако не только в прошлом, но и сегодня, на мой взгляд, Калецкий еще не получил должного признания. Верно, что о нем теперь много пишут и говорят на Западе, один за другим выходят монографии и сборники, посвященные разбору его необыкновенно богатого и оригинального творчества, чего никак нельзя сказать о России. Тем не менее недооценка его творчества, на мой взгляд, сохраняется даже на Западе, не говоря о нас. Она выражается в том, что калецкианство рассматривается как разновидность кейнсианства (Всемирная история экономической мысли, 1994, гл.5). Правда, есть и исключения. Например, П.Рейнольдс считает творчество Калецкого вполне самостоятельным направлением экономической мысли, и пытается синтезировать его с посткейнсианством (Reynolds, 1987).

Несомненно, что близость исходных теоретических позиций Кейнса и Калецкого дает определенные основания для их объединения в нечто единое. Однако при более внимательном изучении оказывается, что такое объединение достигается за счет обеднения и усечения творчества Калецкого. Без этого калецкианство нельзя загнать в рамки кейнсианства. Справедливости ради надо признать, что многие авторы (Фейзуэлл, Соьер, Рейнольдс и др.) так или иначе

показывают, что творчество Калецкого как по своему теоретическому содержанию, так и широте проблем далеко выходит за рамки традиционного кейнсианства.

2. Марксистские истоки теории М. Калецкого

О марксистском происхождении и характере суждений Калецкого принято говорить на Западе, но никак не у нас, причём, как прежде, так и сейчас. Между тем весьма любопытно, как нелегко признание этого давалось и «там». Несмотря на близость по ряду вопросов к Марксу, Кейнс – также как и большинство западных экономистов – разделял предвзятое отношение к Марксу и считал его учение малопродуктивным. Но открытия ученого марксистского происхождения произвели шоковое впечатление и заставили некоторых интеллектуалов усомниться в справедливости своего отношения к марксизму. Среди них была Джоан Робинсон. Как говорит об этом Самуэльсон: «Восхищение, которое Джоан питала по отношению к Михаилу Калецкому, чью оригинальность в независимом открытии кейнсианского эффективного спроса она, пожалуй, преувеличивала – я думаю – играло определённую роль в её изучении Маркса» (Feiwel, 1989, p.87).

Был ли интерес Джоан Робинсон к марксизму через Калецкого результатом преувеличения вклада последнего в открытие теории эффективного спроса или, наоборот, освобождением от предвзятого отношения к Марксу и заслуженным признанием реальных достижений его последователя, мы постараемся показать ниже. Но Джоан Робинсон была отнюдь не единственной, кто объяснял причины и логику

идей и разработок Калецкого его марксистским происхождением. Как совпадение, так и расхождение кейнсианских открытий с калецкианскими многие исследователи анализировали под углом зрения марксистских корней теории Калецкого.

Но если западная наука, хотя и не единодушно, все-таки признавала марксистский характер калецкианства, то в самом марксистском лагере это яростно отрицалось. Калецкий действительно не был марксистом в традиционном, ортодоксальном смысле этого понятия. Он не любил поклоняться какому бы то ни было набору догматов и всегда предпочитал сближаться или отдаляться от существующих концепций в зависимости от собственного видения проблем. Но как раз его видение больше всего было марксистским, чем каким либо иным.

Марксистские корни калецкианства достаточно определенно выражены тем, что оно с одной стороны опирается на основополагающие постулаты марксизма, которые четко отделяют его подход и решения от тех, которыми пользуется альтернативные теории. С другой стороны оно альтернативно по отношению к сложившейся ортодоксии и по-своему развивает марксистские начала в изменившихся условиях середины XX века.

Во-первых, в отличие от теоретиков классического и неклассического направлений, Калецкий не придерживается концепций трех факторов производства и предельной производительности труда и капитала, а считает труд единственным источником создания материальных и духовных благ.

Во-вторых, производство и распределение он анализирует не в аспекте индивидуальных предпочтений, а в социально-клас-

совом разрезе. Верно, что он не доводил признание классов до признания диктатуры пролетариата, как того требовал Ленин, но пользовался классовым подходом при анализе социально-экономических явлений. В то время как, например, при исследовании функции потребления Кейнс говорит о предельной склонности к потреблению абстрактного индивидуума, Калецкий показывает различия этой функции у разных слоев населения. Вслед за Марксом Калецкий исходит из того, что функция сбережения свойственна капиталистам, но не рабочим. Противоположная роль капиталистов и рабочих в процессе производства и воспроизводства Калецкий выразил своей знаменитой формулой: рабочие расходуют то, что зарабатывают, а капиталисты зарабатывают то, что они расходуют.

В-третьих, отношения труда и капитала рассматриваются Калецким не как гармонические, а как антагонистические. «Капиталистическая система, – писал Калецкий, – представляет собой не систему «гармонии», целью которой является удовлетворение потребностей людей, а «антагонистическую» систему, призванную обеспечить прибыль капиталистам» (Kalecki, 1971, p.147). Правда, из антагонистического характера отношений труда и капитала делались разные выводы. В то время как Маркс предлагал разрешать этот антагонизм путем пролетарской революции, Калецкий предлагал его разрешать путем перераспределения национального дохода. Но оба были едины во мнении, что экономическую систему капитализма надо рассматривать не как стремящуюся к равновесию, а как порождающую анархию и стихийность. Калецкий, так же как и Маркс, был занят поиском не статического состояния капитализма, а «закона его дви-

жения», равновесие он считал лишь временным моментом, достигаемым в ходе циклических колебаний. Соответственно и безработица оценивалась Калецким не как естественное и добровольное состояние рабочей силы, а как подлежащий устранению глубокий порок капитализма.

В-четвертых, на капитализм Калецкий смотрел как на исторически преходящий общественно-экономический строй, на смену которому приходит социализм. Правда, судя по всему, переход от капитализма к социализму он представлял себе не по советскому образцу, не через диктатуру пролетариата, а эволюционно, путем демократического преобразования старого общества в новое.

Поэтому Калецкий никак не мог быть удовлетворен сложившейся в странах Центральной и Восточной Европы тоталитарной системой. Как будет показано ниже, он выступал за общественно-экономическую систему, основанную на демократии рабочего самоуправления, которое оценивалось не только в аспекте экономических показателей, но и оздоровляющего общество социального эффекта. Он выступал против бюрократического централизма в хозяйственном руководстве и планировании, сковывания творческой инициативы коллективов и предпринимателей. Но он отнюдь не был сторонником безграничной свободы и надежд на «невидимую руку» рынка. В определенных пределах он считал необходимым и обоснованным централизованное воздействие на формирование основных пропорций в экономике в целях достижения благосостояния всего населения и обеспечения его полной занятости.

Таким образом, по коренным вопросам теории Калецкий был марксистом в подлин-

но научном смысле этого понятия, а по практической программе его скорее всего следовало бы оценивать и воспринимать как восточноевропейского социал-демократа.

Вместе с тем Калецкий лучше, чем кто-либо другой осознавал несоответствия между канонизированной марксистской теорией и реалиями середины XX века. Без малого сто лет, отделявшие формирование марксистской теории от времени жизни и деятельности Калецкого, были полны глубоких перемен, которые в одном подтверждали, а в другом опровергали прежние представления. Новизна явлений XX века открывала широкий простор для новых подходов и решений. Ортодоксальный марксизм на это оказался неспособным. Он идеализировал «Капитал» Маркса, превратив его в своеобразную Библию марксистского вероисповедания, полностью игнорируя условия его создания и относительность, присущую научным истинам при всех условиях.

При всем революционном значении переворота в экономической науке, совершенного Марксом в «Капитале», имелись два существенных обстоятельства, в силу которых превращение его положений в непререкаемые истины было лишено научного смысла. Во-первых, «Капитал» не был завершен. План шести книг, задуманных Марксом как всестороннее исследование капитализма путем восхождения от его глубинных и невидимых абстрактных основ к анализу конкретных ситуаций, им не был выполнен. При жизни Марксу удалось издать только первый том. Второй и третий вышли после его смерти, доработанные Ф.Энгельсом. Остальные три тома, которые, надо думать, были бы посвящены более конкретным вопросам, вообще не были написаны. Следовательно, за пределами

внимания и анализа Маркса осталось довольно широкое поле процессов капиталистической экономики. Уже одно это делало нецелесообразной абсолютизацию сказанного Марксом, как это произошло в действительности.

Но еще более важным было другое обстоятельство. Время, прошедшее после смерти Маркса, внесло существенные изменения как во внутренний строй капитализма, так и в его развитие на мировой арене. Смена совершенной (свободной) конкуренции монополистической и олигополистической, научно-техническая революция и опыт реального социализма надо считать главными из них. Они не опровергали принципиальный подход и основные решения, данные в «Капитале» К.Маркса. В то же время перед экономической наукой встало много новых вопросов, на которые в «Капитале» не было и не могло быть ответов. Не распаханное Марксом до конца поле, к тому же сильно заросшее к середине XX века, кому-то надо было распахать и обработать.

Разумеется, этим занималось множество марксистов. Достаточно назвать Каутского, Гильфердинга, Ленина, Туган-Барановского, Розу Люксембург и ряд других. Каждый из них внес определенный вклад в разработку той или иной проблемы. Но лишь двое последних подошли к анализу той экономической проблемы, которая была намечена Марксом, но стала коренной в XX веке – реализации общественного продукта (совокупного спроса). Ее пытались решить с противоположных позиций Туган-Барановский и Роза Люксембург. Но их вклад, при всей его важности, оказался все же недостаточен, чтобы поднять социалистическую теорию на уровень современных

проблем. Решение этой, так же как и ряда других проблем, вставших в ходе экономического развития XX века, оказалось по плечу Михаилу Калецкому.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на том, почему никому другому из множества ярких звезд марксистской теории это не удалось. Но все-таки отметим, что никто из них не обладал такой свободой от оков догматизма, как Калецкий. В то время как многие другие (пожалуй, исключая Туган-Барановского) идеализировали достижения учителя и считали его безгрешным, Калецкий таковым никого не считал. Больше всего его привлекали нерешенные проблемы, и его внимание целиком сосредотачивалось на них. Он предпочитал распахивать собственное поле и выращивать собственный урожай.

Смену свободной конкуренции монополистической он расценил как изменение принципиального характера, в результате чего произошло смещение центра тяжести из сферы производства продукта в сферу его реализации. Важно теперь, рассуждал он, не столько то, где и как создается прибавочный продукт, сколько то, как господство монополии изменило механизм его распределения и присвоения. Такой ход развития мысли вывел его на проблемы монопольной цены, эффективного спроса, функции потребления, циклических колебаний в уровнях производства и занятости и т.д.

Это были реальные проблемы капитализма XX века. И хотя ход мыслей у каждого был свой, но они привлекли внимание оригинальных мыслителей как марксистского (Калецкий), так и классического (Кейнс) направлений. Получение при этом приблизительно одинаковых результатов говорит об универсальном характере под-

линной науки. Истина всегда одна, с какой бы стороны к ней не подходить.

Ни одному другому представителю марксистской экономической мысли в XX веке не удалось то, что удалось Калецкому. Это дает нам основание считать, что по научному характеру идей и разработок Михаила Калецкого надо признать ведущей творческой фигурой марксистского направления современной экономической мысли. А то, что из европейских стран он менее всего известен как раз в России, характеризует не его, а нас. Причина, на мой взгляд, в том, что наши интеллектуальные верхи страдали тем же, что и советская номенклатура – непомерным самомнением, без особых на то оснований, а это обычно исключает культуру понимания других, их достоинств и научного вклада.

Об этом свидетельствует непризнание в нашей стране многих зарубежных марксистских, не говоря о немарксистских, достижений общественно-экономической мысли. Это полностью относится и к Калецкому. Даже сегодня его творчество, в основном, остается за пределами внимания нашей научной общественности. Он издан в мизерном объеме и мало кем изучается. И можно понять, почему.

Многие его положения диссонировали с марксистской ортодоксией, в особенности с бюрократической практикой разработки и выполнения планов социального и экономического развития в бывших социалистических странах. Неспособность обеспечить достижение целей, которые обычно ставились в этих планах, Калецкий рассматривал как доказательство негодности и теоретической концепции, положенной в основу разработки планов развития, и применяемой для ее реализации методики плани-

рования. Практика реального социализма остро нуждалась в новой парадигме, содержащейся, в том числе, в трудах Калецкого. Но правящие круги социалистических стран всячески отворачивались от всего того, что предлагалось в этом духе, и упорно держалась за старые догмы, не способные указать пути успешного решения проблем в новых условиях.

3. Значение культурной среды для судеб научных идей

И здесь мы очередной раз видим решающее значение культурной среды для судеб научных идей. «Общая теория...» Кейнса куда больше расходилась с канонами классической экономической теории, чем работы Калецкого с марксистской ортодоксией. Тем не менее «ересь» Кейнса так или иначе была принята на вооружение и определенным образом был синтезирована с неоклассической теорией. О «ереси» Калецкого этого нельзя сказать. Марксистская ортодоксия отвергала ее по частям и целиком. Две системы – капитализм и социализм, опиравшиеся на разные культурно-интеллектуальные традиции, по-разному реагировали на угрозы, возникавшие на их пути.

После Великой депрессии 1929-1933 годов правящие силы западных стран сильно протрезвели. Они осознали, что вместо классической теории, уповающей на саморегулирующие способности капитализма к беспрепятственному и гармоничному развитию, нужен другой теоретический компас. У них оказалось достаточно культуры и ума увидеть этот компас в кейнсианстве. Возвращенные Кейнсом идейные семена упали на благоприятную почву.

Совсем другое мы видели в лагере социализма. История постоянно посылала свои предупреждения правящим силам социалистических стран о несоответствии догматического марксизма реалиям второй половины XX века. Политические потрясения в Венгрии, Польше, Чехословакии следовали одно за другим. Подземный гул вроде забастовки в Новочеркасске в 1961 году не раз нарушал показное спокойствие и бесконфликтность и внутри СССР. Но правящая номенклатура не то, что оставалась глухой – она смутно сознавала надвигавшую опасность, – однако была не в состоянии понять, что же надо делать, какие меры принять для предотвращения надвигавшегося краха. Выдвинутая к власти по бюрократической механике, полубразованная и малокультурная, она не могла мыслить в исторических категориях. Целиком занятая своим сегодняшним положением, она заботилась о своем развитии лишь в рамках принятых догм. Что же касается смены парадигмы развития в соответствии с новыми реалиями XX века, то коммунистической номенклатуре это было глубоко чуждо и непонятно. В силу всего этого она не могла оценить и воспринять рецепты, которые были способны придать социализму новые силы и реальные преимущества.

Об интеллектуальной ограниченности правящей бюрократии социалистических стран свидетельствует и то, что основные теоретические поиски новой, соответствующей изменившимся условиям парадигмы развития исходили не изнутри, а извне – от левых сил либерального Запада. Такая необходимость обосновывалась, например, философией свободы западного марксизма, доктриной демократического государства еврокоммунизма и калецкианской концепцией монополистического капитализма и эконо-

мики благосостояния и планирования при социализме. Новаторские идеи, как видно, плодоносят только в условиях свободы, а при диктатуре, если и рождаются, то не вызревают. После падения на каменистую почву они не могут возрасти. Демократия и диктатура характеризуют глубоко отличные историко-культурные традиции и потенциал.

Этими различиями, на мой взгляд, объясняется тот факт, что правящие силы западных стран смогли принять протянутую им руку кейнсианства и спасти свою систему. Разумеется, новаторство и там принималось со скрипом. На Кейнса градом сыпались обвинения в «левизне», а введенное администрацией Рузвельта жесткое регулирование цен и правил хозяйствования исторично расценивались как свидетельства начавшегося якобы вторжения коммунистической практики планирования. Но, как бы то ни было, у большинства правящего класса западных стран хватило культуры и ума понять искусственный характер нагнетания страха и принять кейнсианскую теорию и «новый курс» Рузвельта как необходимые в сложившихся условиях способы спасения капитализма,

О правящей номенклатуре Советского Союза и восточноевропейских стран ничего подобного сказать нельзя. По причинам, о которых говорилось выше, спасительные для социализма идеи в малокультурном и превратном сознании правящего слоя воспринимались как угрозы, которые надо отвергать в то время как в действительности они несли спасение. Так был отвергнут и Калецкий.

4. Начало жизненного пути

Для понимания развития идей Калецкого, так же как и любого другого мыслителя,

прежде всего важно проследить те жизненные обстоятельства, в силу которых они могли формироваться. Поэтому прежде чем перейти к более подробному рассмотрению его взглядов, следует хотя бы коротко отметить основные вехи его жизненного пути.

Калецкий родился в 1899 году в бедной еврейской семье в городе Лодзи, входившем тогда в состав Российской империи. Вначале он пытался получить инженерное образование, но окончить полный курс ему не удалось из-за материальных трудностей семьи. Собственные тяжелые условия жизни и окружавших его людей довольно рано повернули сознание молодого Калецкого к социальным и экономическим проблемам его времени. Пытаясь найти ответы на волновавшие его проблемы, он начал самостоятельно изучать марксистскую и социалистическую литературу. Настольными книгами для экономического самообразования Калецкого стали работы Маркса, а затем популярных тогда в левых интеллектуальных кругах Польши таких теоретиков, как Михаил Туган-Барановский и Роза Люксембург. Их наследием Калецкий занимался, по-видимому, со свойственной ему фундаментальностью, чем и можно объяснить то, что они оставили глубокий след во всем его мировоззрении. В разные периоды жизни, где прямо, а где имплицитно он все время возвращался к исходным идеям своей молодости.

Однако при всем значении идейных истоков наибольшее значение следует придавать тем реальным обстоятельствам, с которыми человек сталкивается в жизни. Для Калецкого они состояли в том, что в молодые годы он зарабатывал на жизнь, занимая должности, требовавшие изучения кредитных рейтингов фирм, маркетинговых ис-

следований и подготовки статей на этот счет для местных изданий. Для человека, уже имевшего к тому времени неплохую теоретическую подготовку и обладавшего пытливым умом, это было хорошее начало. Все знавшие его в зрелые годы свидетельствуют, что Калецкий никогда ничего не делал поверхностно, во всем пытался разобрататься досконально. Надо думать, таким он был и в молодом возрасте.

Практическая ценность теоретических знаний Калецкого несомненно возрастала от того, что он еще обладал хорошей математической подготовкой, полученной во время его учебы в Политехнических институтах в Варшаве и Гданьске. Большой интерес к математике он не потерял до конца жизни, и математически расчеты всегда широко использовались им для доказательства своих положений.

Когда в конце 1929 года тридцатилетний Калецкий получил работу в «Исследовательском институте бизнес-цикла и цен» в Варшаве, то он сразу стал его ценным работником. Работа в этом институте, можно сказать, во многом предопределила направление и характер его исследовательской деятельности. Он оказался в кругу небольшого, но творчески мыслящего коллектива, в котором он особо сблизился с Марексом Брейтом и Людвигом Ландау. Вместе с ними Калецкий проводил весьма плодотворные исследования классовой структуры и распределения национального дохода между различными слоями тогдашнего польского общества.

Последовавший за этим период – начало 30-х годов – явился для Калецкого не только плодотворным, но и пионерским. К тому времени он сблизился с социалистическим движением и стал печататься не только в научных изданиях, но и в социали-

стических журналах, в которых освещалось положение польского рабочего класса. Сложившийся тогда взгляд на экономические и социальные проблемы капитализма с позиций рабочего класса сохранился у Калецкого на всю жизнь и наложил неизгладимый отпечаток на трактовку исследовавшихся им проблем. Такой взгляд составляет подтекст его научной логики, хотя он не порождал идеологической предвзятости, как это чаще всего получалось в левой литературе.

Основные работы Калецкого того времени, посвященные бизнес-циклу и другим проблемам, не только не утратили своего глубокого научного значения, но сегодня больше, чем вчера, поражают своей глубиной и проникновением в коренные закономерности развития капиталистической экономики. Именно в тот период – на три года раньше Кейнса – им были сформулированы основополагающие положения, вошедшие в науку от имени Кейнса и приведшие к тому, что впоследствии было названо «кейнсианской революцией» в экономической науке, которую многие в интересах большей справедливости и верности предпочитают называть калецкианско-кейнсианской. Но об этом позднее. Пока же отметим, что в опубликованном в 1933 году «Очерке теории бизнес-цикла» Калецкий дал экономико-математическое обоснование идей о взаимосвязи уровней занятости и зарплаты, последней с совокупным спросом и о решающей роли инвестиций как материальной основы циклического характера движения общественного капитала. При всей своей новизне опубликованная на польском языке работа, с которой мог ознакомиться очень ограниченный круг специалистов, не могла быть оценена по достоинству.

5. Жизнь и творчество в Англии и США

Вскоре Калецкому удалось получить рокфеллеровскую стипендию и переехать в Швецию. Берущая свое начало от Кнута Викселя шведская экономическая школа в то время славилась рядом выдающихся имен, таких как Олин, Мюрдаль, Линдаль, которые также искали ответы на вопросы, интересовавшие Калецкого, и с его стороны было естественным воспользоваться случаем наладить контакт с ними.

Переезжая в Швецию, а затем в Англию, Калецкий очевидно рассчитывал также вступить в контакт с Кейнсом и другими экономистами, которых считал близкими себе в концептуальном отношении. Однако знакомство с Кейнсом произошло вначале заочно, когда, находясь еще в 1936 году в Швеции, Калецкий неожиданно получил вышедшую тогда книгу Кейнса «Общую теорию занятости, процента и денег». Чтение книги повергло его в большое смятение. Имеются разные сведения о том, как это было. Дж. Робинсон, которая была достаточно близка к Калецкому во время пребывания последнего в Англии и могла что-то знать с его собственных слов, утверждает, что тот был крайне расстроен фактом публикации своих идей другим учёным и долгое время не мог прийти в себя. Жена Калецкого отрицает, что реакция была столь бурной, но все-таки признает, что ее муж действительно был в некотором шоке (Sawyer, 1985, p.183, 209). Тем не менее, Калецкий быстро взял себя в руки и проявил редкое в таких случаях благородство. Он немедленно написал и опубликовал восторженный отзыв на книгу Кейнса, где счел нужным подчеркнуть,

что она кладет начало коренному перевороту в экономической науке.

Впоследствии, когда Калецкий приехал в Англию и с помощью Дж. Робинсон состоялось уже его личное знакомство с Кейнсом, последний отнесся к коллеге с подчеркнутой сдержанностью. Начало знакомства Робинсон описывала в следующих словах: «Когда в 1936 году Калецкий приехал в Кэмбридж, мы сказали Кейнсу об этом, но на него это не произвело впечатление. Его собственные идеи лились полным потоком (он обдумывал переиздание «Общей теории» совершенно другим образом), и он не признавал кого-либо еще. Он критиковал фразу из его статьи в «Эконометрике», которая ему казалась слишком «монетаристской», хотя она содержала точку зрения, к которой он затем сам пришел. Кейнс не сочувствовал политическим позициям Калецкого, а по своему мировоззрению и темпераменту они не могли быть дальше друг от друга. Я как-то замечала, что масло и уксус не смешиваются, и некоторые возражали, что для этого их надо постоянно смешивать. Но нелегко было смешать эти два характера. Тем не менее Кейнс взял на себя заботу продвинуть исследовательский проект, чтобы обеспечить Калецкого работой. (Это как раз было перед войной, и ничего из этого не вышло). Однако Михаил публично вел себя с редким в наше время достоинством ученого, хотя и был весьма расстроен своим непризнанием. Как-то он мне сказал: «В экономической специальности никто не замечает разницу между настоящей работой и чепухой». (Robinson, 1979, p. 187)

Кейнс оставлял без ответа уверения Дж. Робинсон, что в лице Калецкого в экономической науке появилась особо значимая фигура, но, по-видимому, всё же не был

лишен чувства признания другого. Как-то он выразил восхищение статьей Калецкого, опубликованной в 1938 году в «Эконометрике», где доказывалась стабильность доли вознаграждения труда независимо от размера совокупного выпуска и фазы бизнес-цикла (Feiwel, 1975, p.467). Однако Кейнс при всем своем лоске не был лишен также английского гонора и профессиональной ревности. Видимо он все-таки не допускал, что человек, находящийся за пределами англо-саксонской культуры, да еще с марксистскими истоками, мог подняться до его высоты. К сожалению, даже великий Кейнс был лишен понимания того, что неважно какого цвета теория, важно излучает она свет истины или нет.

Вскоре началась вторая мировая война, и Англия стала прибежищем большого количества беженцев, стекавших сюда со всех стран Европы, спасаясь от гитлеровского преследования. Найти работу было нелегко, и все-таки Калецкому удалось устроиться в институт статистики Оксфордского университета, который занимался анализом текущей экономической ситуации. В издаваемом институтом «Бюллетене» Калецкий систематически публиковал статьи, в которых на основе богатых статистических данных анализировались вопросы распределения, снабжения, ценообразования, инфляции и денежного обращения. Предметом его особого внимания уже тогда, как и позднее, были проблемы достижения полной занятости. Написанная им в 1943 году работа «Политические аспекты полной занятости» во многом стала пророческой. В ней он предсказал те трудности, с которыми встретится послевоенный мир и описал возможные способы решения проблемы занятости.

С окончанием войны начался новый период в творческой биографии и практической деятельности Калецкого. После короткого пребывания во Франции и Канаде, где он выполнял ряд правительственных заданий по послевоенному устройству, он возвращается в Польшу. Вид разрушенной войной страны с миллионами погибших, в том числе гибель его родных и друзей, произвели на Калецкого самое тягостное впечатление. Хотел ли он избавиться от окружавшей его гнетущей картины, или были другие причины, но в 1946 году он принял предложение властей новой Польши стать заместителем директора отдела экономического департамента ООН.

В течение десяти лет (1946–1955) Калецкий работал в секретариате ООН. В творческом отношении это был весьма плодотворный период его жизни. Он занимался подготовкой докладов по различным аспектам мировой экономики, в особенности по проблемам инфляции и денежного обращения. Здесь он близко прикоснулся к чрезвычайно сложному кругу социальных и экономических проблем стран, многие из которых тогда еще находились в колониальной зависимости. Их изучение позволило ему не только значительно расширить круг исследованных проблем, но и углубить свои прежние теоретические представления. Работа в ООН с учетом сделанных им открытий по теории капиталистической экономики в предыдущий период и разработки им теории роста социалистической экономики и народнохозяйственного планирования после возвращения в Польшу поставила Калецкого в совершенно особое положение среди экономистов мирового класса. Судьба предоставила ему уникальную возможность не только теоретиче-

ски, но практически столкнуться с проблемами развития трех типов экономических систем в мировой экономике: капиталистической, социалистической и стран, освободившихся от колониальной зависимости.

Однако накопление столь драгоценного интеллектуального капитала давалось малой ценой. Здесь, как везде, за независимость и оригинальность суждений приходилось дорого платить. Калецкий не умел и не хотел приспособливаться к условиям и требованиям, которые он считал несправедливыми или не оправданными с моральной точки зрения. Такая его принципиальность приводила к конфликтам с начальством, в которых он не проявлял должной уступчивости, предполагаемой неписанным уставом аппаратно-бюрократической службы.

Недоступное другим глубокое теоретическое знание предмета, широта кругозора и основанное на всем этом самостоятельное видение проблем должны были раздражать тех, кто не был на это способен, а таких всегда бывает большинство. Поэтому работа в секретариате ООН оказалась для него нелегкой. Дело еще сильно осложнялось тем, что она приходилась на время охоты на ведьм в США, т.е. разгула так называемого маккартизма, когда в каждом человеке с левыми взглядами видели коммунистического шпиона. Калецкий был достаточно широко известен в левых кругах и имел там немало друзей. По этой причине он стал привлекать пристальное внимание спецслужб США и это не могло его не раздражать. Преследование его друзей по совершенно необоснованным подозрениям вызывало в нем глубокий протест.

6. Возвращение в Польшу

Когда в декабре 1954 года Калецкий решил вернуться в Польшу, то, видимо, вначале он был намерен держаться в стороне от активной общественно-политической жизни. Вольдемар Брус пишет, что «осознавая весьма специфический характер своего марксизма, Калецкий вернулся в Польшу в декабре 1954 года с твердым намерением стоять в стороне от политэкономии социализма, которая еще оставалась в оковах теологических догм, от которых мы только начали освобождаться. Однако ситуация изменилась с необыкновенной скоростью в период предшествовавший польскому Октябрю 1956 года. С весны 1956 года и далее Калецкий стал всё глубже вовлекаться как в теоретические дебаты по экономике социализма, так и в выработку новой политики и институциональных реформ» (Oxford Bulletin, 1977, p.59).

К тому времени политика прежнего польского руководства полностью обанкротилась. Развернувшееся рабочее и интеллектуальное движение за обновление социализма зародило в Калецком уверенность, что извращения сталинского периода теперь можно устранить и свободный от таких пороков социализм способен развернуть такие преимущества, которые позволят поднять уровень жизни широких масс выше, чем это достигнуто при капитализме.

Выступления познаньских рабочих против крайностей режима были частью общего реформаторского настроения в обществе. Все слои польского общества за исключением заскорузлой сталинской бюрократии жаждали перемен. Провал шестилетнего (1950–1955) плана экономического развития был подтверждением этой необходи-

мости. Приход к власти Владислава Гомулки в октябре 1956 года усилил эту жажду позитивных перемен и надежду на них. Перед избравшим его пленумом польских коммунистов он произнес памятную речь с резкой критикой ошибок прошлого и полную программу задач преобразования общества к лучшему. Не только в Польше, но и в других социалистических странах эта речь произвела большое впечатление и вселила надежду, что гомулковская Польша станет инициатором неизбежных для всех демократических преобразований.

Калецкий также был принят польским обществом с большой надеждой. Ему сразу присудили звание профессора, а в следующем 1957 году он был избран член-корреспондентом Польской Академии наук. Он, в свою очередь, полностью окунулся в работу: вначале занимал должность советника по экономике аппарата Совета Министров, а в 1957–1960 был председателем Комиссии перспективного планирования по разработке Генерального плана развития экономики Польши на 1960–1980 годы. В течение шести лет (1957–1963) он был одним из вице-председателей Экономического совета ПНР (председателем был Оскар Ланге). Одновременно с этим Калецкий был председателем польской делегации в Экономической комиссии СЭВ.

Оскар Ланге и Михаил Калецкий, занявшие высшие должности по руководству польской экономикой, собрали вокруг себя немало молодых и талантливых специалистов. Из всех стран социализма только Польше улыбнулось счастье иметь у руководства экономикой столь могучую когорту специалистов высшего класса. Польша обладала шансом показать всем новую модель развития, наполнив формулу «поль-

ского пути к социализму» реальным содержанием.

Однако, к сожалению, ничего подобного не произошло. Шанс был упущен. Сейчас трудно точно установить, какая из двух сторон – польская или советская – несет за это наибольшую ответственность. И все-таки это скорее советская сторона, взявшая на себя роль наставника социалистических стран. Дело в том, что советское руководство уверило себя в том, что факт рождения Октябрьской революции на российской земле на все времена гарантирует ему роль первопроходца независимо от его интеллектуальных и нравственных качеств, предоставляя ему привилегию указующим перстом решать, что такое хорошо, и что такое плохо. Это было пагубной самонадеянностью, имевшей самые трагические последствия для судеб социализма. Неизбежные при всякой бюрократической системе пороки – непомерное самомнение, упоение властью при ограниченности кругозора процветали у нас пышным цветом.

Владислав Гомулка и его приближенные в ПОРП, надо думать, страдали этими пороками не меньше КПСС. Ни польское, ни советское руководство не обладали такой компетентностью и политической мудростью, чтобы оценить теоретическую глубину идей Калецкого, как и фундаментальность разработанного под его руководством перспективного плана развития польской экономики на 1961–1980 годы. Между тем, этот план был практически воплощением его теории экономического роста и вероятнее всего мог быть принят в качестве некой методологической модели и другими странами при разработке своих пятилетних и перспективных планов. Особенность калецкианской модели, как свидетельствуют

все писавшие на эту тему авторы, состояла в том, что темпы роста непосредственно увязывались с главной задачей плана – повышением уровня жизни населения путем сочетания его полной занятости с наиболее эффективным вариантом использования доли инвестиций в национальном доходе. Все остальные показатели плана выводились в качестве производных от указанных параметров.

При этом план Калецкого предусматривал расширение самостоятельности первичных звеньев хозяйственной системы – предприятий, объединений, управлений, ведомств, предоставление им необходимой свободы для проявления творческой инициативы. Такая свобода распространялась также на внешнеэкономическую деятельность. Предусматривалось значительное ограничение круга централизованно принимаемых решений, но не отказ от него. Принцип централизма в планировании экономики Калецкий считал абсолютно необходимым как для координации различных сторон экономической деятельности т.е. обеспечения пропорциональности, для достижения главной цели плана – повышения народного благосостояния. Централизм считался необходимым также для создания рабочих мест и поддержания полной занятости, без чего Калецкий не представлял себе социализма.

Вместе с разработкой новой методологии планирования Калецкий «проделал большую работу по повышению уровня подготовки значительного числа кадров исследователей и практических работников, занимавшихся планированием». (*Nauka Polska*, 1971, № 1). Но все проделанное натолкнулось на непроницаемую стену партийно-государственной бюрократии. Пре-

дусмотренные в плане Калецкого реалистичные темпы роста были оценены как «пессимистические», их было предложено заменить «оптимистическими», что на деле означало переход от научного планирования к волюнтаристскому. Калецкий с его экономической теорией и методикой планирования становился все менее нужным тогдашнему руководству.

Отказавшись от научного подхода к планированию, польское руководство по существу повторило преступление советского руководства конца 20-х – начала 30-х годов, когда оно отвергло разработанный советскими экономистами первый в мировой практике межотраслевой баланс народного хозяйства. Польских экономистов, к счастью, не постигла жестокая судьба их советских коллег. Тем не менее, и в Польше возобладал волюнтаризм в руководстве экономикой. Никто не знает, какое развитие приняли бы события в самой Польше, а может быть, и в других странах социализма, если бы Калецкий был оценен по достоинству. Можно только предполагать, что достижение лучших экономических и социальных результатов могло бы сделать 1970 и 1980 и последующие годы иными не только для Польши, но и для других стран социализма.

Выдвигая альтернативу авантюрной политике властей, Калецкий все больше впадал в немилость. В свою очередь, прежнее желание сотрудничества с властью у Калецкого постепенно угасало. Шаг за шагом Калецкий отходил от государственной службы и все больше сосредоточивался на исследовательской и преподавательской деятельности. Высшая школа планирования и статистики, которая стала местом его основной работы, была тогда центром творче-

ской мысли, и там Калецкий ощущал себя в родной среде. Немилость к нему властей с лихвой покрывалась тем почтением, которым он пользовался здесь у своих коллег, множества благодарных слушателей и почитателей. Талантливая молодежь со всех сторон тянулась к нему.

В 1966 году власти и общественность оказали ему высокую честь – он был избран академиком и стал полноправным членом польской Академии наук. С одной стороны это было признанием его несомненных научных заслуг, а с другой некоторой компенсацией и прикрытием потери влияния в высших сферах власти. Для Калецкого это было слабым утешением. Никакие почетные звания не могли облегчить тяжесть его душевных страданий от провала идеалов и надежд на торжество социальной справедливости в условиях реального социализма.

Тем временем тучи на польском небе все более сгущались. Политика Гомулки и ее практические результаты все более разочаровывали те широкие массы, на плечах которого он и осуществил своё восхождение. Экономических успехов не было, условия жизни людей не улучшались, общество вползло в глубокий кризис. На рост глухого недовольства власти реагировали закручиванием гаек.

Развязка кризиса была ускорена двумя внешними событиями: Арабо-Израильской войной 1967 года и «Пражской весной» 1968 года. Близкие по времени, они способствовали оживлению оппозиционных сил. Симпатии еврейской интеллигенции находились на стороне Израиля, в то время как польское руководство, следуя примеру Советского Союза, занимало антиизраильскую, проарабскую позицию.

Но особое влияние на польские дела оказали чешские события.

Польша болела тем же, что и Чехословакия, и по примеру происходившего там, в Польше также началось широкое народное движение с требованием реформирования общества. В роли авангарда этого движения как там, так и здесь выступали главным образом марксистски образованные интеллектуалы, лучше других понимавшие полное несоответствие реального социализма теории классического марксизма и потребностям наступившей эпохи. Марксистская аргументация необходимости реформирования социализма представляла для коммунистической бюрократии наибольшую опасность. Коммунистической бюрократии легче было отвергать открыто «буржуазные» взгляды, чем марксистские, которые она всегда эксплуатировала для оправдания своего права на власть. Она почувствовала большую угрозу своему существованию, когда польские марксисты стали доказывать, что согласно концепции классического марксизма социализм призван обеспечить людям наиболее полную свободу и демократию, а потому бесконтрольная власть бюрократии должна быть заменена системой подлинного народовластия.

В ответ на эти требования со стороны интеллектуалов и рабочих масс власть развернула широкую пропагандистскую кампанию против «ревизионизма» и «сионизма» с принятием санкций в отношении лиц, которых власти считали в чем-то виновными. Борьба с «ревизионизмом» означала исключение всякой творческой свободы в трактовке социально-экономических явлений и необходимость обязательного следования установленным сверху канонам. Что

касается «сионизма», то этот термин всегда используется в качестве громоотвода, чтобы пробудить низменные антисемитские чувства отсталой части населения и повернуть их недовольство против евреев, якобы виновных в их страданиях.

Так поступало и польское руководство того периода. Основной мишенью его нападок стали интеллектуалы самого высокого класса. Они были либо «ревизионистами», либо евреями, либо, как, например, Калецкий, тем и другим одновременно. К 1968 году Калецкий уже не занимал государственных постов и мало появлялся на общественной арене, но его влияние на взгляды широкого круга специалистов оставалось значительным. Это и раздражало власти. В июне 1968 года, в разгар Пражских событий партийная организация Высшей школы планирования и статистики, где работал Калецкий, организовала его «проработку». На собрании, специально устроенном по этому поводу, докладчиком выступало лицо, весь багаж знаний которого состоял из набора марксистских трафаретов, годных лишь для идеологических оценок и разнородных обвинений. Свое примитивное понимание вещей докладчик выдавал за образец марксизма и обвинял Калецкого в том, что своими немарксистскими идеями он якобы оказывает отрицательное влияние на научную молодежь.

Как свидетельствует Фейуэлл, в своем неопубликованном ответе Калецкий рассмотрел доклад пункт за пунктом и полностью его опроверг. Обвинений же в свой адрес Калецкий не стал даже разбирать, он просто повторил ответ Маркса в аналогичной ситуации: если утверждения докладчика представляют собой марксизм, то я не марксист (Feiwel, 1975, p.452).

Однако в споре власти и аргументов решение всегда остается за первой. За пропагандистской компанией последовала волна увольнений и запретов на публикацию. Талантливые ученики Калецкого вынуждены были покинуть занимаемые места, эмигрировать за границу или надолго замолчать. Так, например, Казимир Ласки эмигрировал в Австрию, Вольдемар Брус и Станислав Гомулка – в Англию (Sawyer, 1985, p.263).

Но это были еще здоровые молодые люди, полные сил и энергии. Эти неприятности, хотя и чувствительные для них, но все же носили временный характер, не перечеркивали их перспективы будущего. Многие из тех, кто был уволен тогда, впоследствии получили широкое признание и сделали себе имя в качестве выдающихся представителей экономической науки. С Калецким, которому к тому времени уже было 69 лет, дело обстояло иначе. Основная часть его жизненного пути уже была в прошлом. За спиной было почти три четверти бурного XX века и жизнь, полная тяжелых испытаний, надежд и разочарований. После того как самонадеянные и властолюбивые правители один за другим отвергли все его научные идеи и предложения по совершенствованию социально-экономических отношений, он испытал новый удар. По примеру гитлеровской Германии социалистическая Польша развязала уже упомянутую позорную антисемитскую кампанию. Честных людей и хороших специалистов стали увольнять только потому, что они евреи. Хотя самого Калецкого непосредственно это не коснулось, но разгулявшаяся вокруг дикость не могла не отзываться болью в душе человека, воспитанного на гумани-

стических и интернациональных идеалах социализма.

Тем временем возраст и душевные невзгоды все сильнее подтачивали его здоровье. Вероятно, тоска о лучших временах звала его в путь, и в 1969 году Калецкий совершил путешествие в Кэмбридж, где пробыл большую часть весеннего семестра. В городе своей молодости он был встречен с большим радушием. Сохранившиеся друзья постарались организовать его пребывание здесь наилучшим образом, тем более, что он уже имел репутацию отвергаемого польскими властями борца за практическое воплощение научных идеалов. Его лекция о теории экономического роста в условиях различных социальных систем вызвала необыкновенный интерес. Все места в зале были заняты, и людям приходилось стоять в проходах. Лектора засыпали благожелательными вопросами, в которых чувствовалась моральная поддержка его благородных усилий. Ему много аплодировали, и удовлетворение, полученное от теплого приема, было, хоть и небольшой, но все же компенсацией того, чего ему так не хватало у себя на Родине.

По возвращении домой Калецкий задумал совершить еще одно путешествие – в Москву, с которой его также связывали годы работы в Совете Экономической Взаимопомощи. В начале 1970 года он дал согласие принять участие в июне в подготовлявшейся в Новосибирске научной конференции по экономико-математическому моделированию. Но приехать уже не довелось. В апреле Михаила Калецкого не стало.

5. *Приоритет открытия: Калецкий или Кейнс?*

Говоря о Калецком и Кейнсе, мы сталкиваемся с деликатной ситуацией определения приоритетов этих двух выдающихся экономистов. При всех естественных различиях их человеческих характеров и судеб, каждый из них независимо от другого заслуживает самой высокой оценки за вклад в науку и нравственные качества. Вопрос о приоритете их не разъединяет, а, наоборот, объединяет. Мы имеем дело с тем не столь уже редким случаем в науке, когда назревшая в ходе развития идея приходит в голову не одному, а нескольким выдающимся мыслителям сразу. Так, например, было с теорией предельной полезности. Кто является ее первооткрывателем – Джеванс, Вальрас или Менгер? Это «залповое открытие» было сделано всеми тремя примерно в одно и то же время в различных странах. То же самое можно сказать о теории экономической динамики, которую Харрод и Домар также разработали независимо друг о друга и которая стала известна затем под их объединенным именем.

Калецкианско-кейнсианский переворот в экономической науке готовился подобным же образом, параллельными путями двух разных мыслителей. И Калецкий и Кейнс – каждый по своему – пережили Великую депрессию 1929–33 годов. Принадлежавший к высшим слоям английского общества Кейнс заработал немалые деньги путем биржевой игры до кризиса, но в результате биржевого краха потерял их значительную часть, а скромный сотрудник Варшавского научного центра Михаил Калецкий наблюдал вокруг крайнюю нужду и сам еле сводил концы с концами. Жертвами

депрессии в той или иной степени были миллионы страдальцев в различных странах. Но только эти двое обладали таким острым взглядом, чтобы оценить причины кризиса и понять их скрытый смысл. Их отношение к кризису определялось не только тем, как похудели их карманы, а тем, как он отразился в их головах.

Кейнсу приходилось освобождаться от догматов, крепко засевших в головах всех приверженцев классической теории. Исходным для них был принцип «*Laissez faire*» (не препятствовать естественному ходу событий – *фр.*) и вытекающие из него три основных постулата. Во-первых, формула Сэя о том, что предложение рождает свой собственный спрос. Во-вторых, теория общего равновесия Вальраса, согласно которой капиталистическая система имманентно стремится к равновесию благодаря взаимосвязи между спросом и предложением, доходами и ценами на рынке. В-третьих, положение об обратной зависимости между уровнями безработицы и заработной платы, согласно которой гибкая заработная плата позволяет автоматически регулировать занятость таким образом, что безработица носит добровольный характер.

Вытекавший из этих постулатов вывод об автоматически присущей капитализму способности к саморегулированию больше не устраивал Кейнса. Бушевавший за окном кризис с миллионами безработных и голодающих семей рядом с остановившимися производствами и бездействующими мощностями подвели итог его прежним многолетним мучительным сомнениям и поискам. Он окончательно убедился в несостоятельности исходных постулатов классической теории и стал размышлять над тем, как заинтересовать власть и собствен-

ников в одном и том же: поставить безработных к рабочим местам с тем, чтобы они начали производить продукты, удовлетворяющие потребности людей. Только таким путем, справедливо полагал Кейнс, можно выйти из кризиса и снять социальное напряжение. Коль скоро присущий капитализму механизм сам не обладает способностью к удовлетворению совокупного спроса, и это вызывает опасные сбои в функционировании всей системы, рассуждал он, то эту способность – Кейнс назвал её функцией эффективного спроса, – надо придать извне. Так он пришел к выводу о необходимости регулирующей роли государства путем накачивания совокупного спроса.

Для Кейнса это был мучительный путь, приведший к конфликту с его окружением – он стал объектом нападков за то, что поднял руку на устоявшиеся научные аксиомы.

Трудности, конечно, были и у Калецкого, но они были совершенно другого характера. Ему не пришлось преодолевать сомнения относительно пороков капитализма. С самого начала они были ему ясны благодаря марксистскому образованию. Знание работ Маркса, Туган-Барановского и Розы Люксембург дало ему достаточно полное представление о пороках капитализма и отправные начала для понимания причин циклических колебаний капитализма. Согласно марксистской теории капитализм не стремится к равновесию, а постоянно уходит от него, и оно восстанавливается лишь как момент циклического спада. Вынужденный спад рассматривается марксистской теорией как насильственная форма восстановления нарушаемого в течение всего бизнес-цикла общего равновесия. Причина же спада, а следовательно и циклического характера воспроизводства все-

гда объяснялась низким платежеспособным спросом населения, а выход из кризиса, согласно этой теории, осуществляется путем обновления основного капитала. Продолжительность цикла по марксистской теории определяется сроком службы основного капитала.

То, что Калецкий начал свое наступление с подготовленного марксистскими предшественниками плацдарма, никак не уменьшает его собственный вклад. В науке мало кто начинает с чистого листа, а потому оригинальность научного открытия определяется тем, какое приращение знаний было достигнуто. Итак, достаточно ясно можно усмотреть, с одной стороны, несомненную связь новаций Калецкого с прежними марксистскими разработками, а с другой – то колоссальное прибавление, которое он к ним сделал, благодаря оригинальности своего интеллекта и творческой свободе. В этих двух обстоятельствах – в незаурядной способности к независимому творческому мышлению и в жизни в свободной стране со свободным доступом к информации, на мой взгляд, заключен секрет успеха Михаила Калецкого. Его коллеги в странах реального социализма были лишены по крайней мере второго из этих преимуществ.

Ортодоксальный марксизм закрытого общества свел свою задачу к повторению и комментированию того, что уже было сказано, а всякую новизну рассматривал как недопустимую ересь. Наследие Маркса, хотя и находилось под рукой у многих его догматических последователей, не поднимало их на новые высоты, не открывало новые интеллектуальные горизонты, как это было раньше, а скорее наоборот, со временем все больше закрывало просторы для новых подходов и решений. Знание предмета во мно-

гом, а часто и в основном сводилось к механическому или даже ритуальному воспроизведению идей основоположников, а анализ и аргументация заменялись их цитатами. Калецкий ничего общего не мог иметь с такой чуждой науке традицией. Он был оригинальным и новаторским в самом богатом и возвышенном смысле этих понятий.

Тем не менее, его связь с Марксом, как отмечалось, просматривается вполне отчетливо. Возьмем данную Калецким еще на заре его научной деятельности трактовку бизнес-цикла. Обе идеи Калецкого (узость рынка в виду низкой платежеспособности населения и роль основного капитала как материальной основы цикла) сформулированы у Маркса, правда, в общем виде. Калецкий значительно развил их, придав им завершенность в виде теорий эффективного спроса и инвестиций. Трактовку инвестиций он связал со сберегаемой частью прибыли и показал инвестиции как движущую силу, к которой сбережения приспособляются и которая играет решающую роль в формировании совокупного спроса, что надо считать научным открытием. Идея зависимости уровня занятости от объема производства достаточно ясно сформулирована в 23 главе первого тома «Капитала», но Калецкий отнюдь не ограничился этим, а пошел, как мы покажем, гораздо дальше. Решение проблемы бизнес-цикла, данное Калецким в начале 30-х годов, устраняло свойственные Туган-Барановскому с одной стороны, и Розе Люксембург с другой крайности в трактовке этой проблемы, и представляло, таким образом, ее новаторскую разработку.

Калецкий обладал уникальной способностью в каждой из имеющихся теорий и концепций – марксистской или классической – найти ту грань, до которой их поло-

жения соответствовали реалиям и за которой требовался новый взгляд, открывающий новые перспективы. Хотя сделанные им открытия имели глубокий теоретический подтекст, свои идеи Калецкий выражал сжато, можно сказать с помощью лапидарно составленного текста, а чаще всего в виде математической зависимости или экономико-математической модели. Так что, в известном смысле, как мы постараемся показать во второй части статьи, он заложил основы марксистского варианта экономикс.

Творческая свобода Калецкого была немаловажным источником его необыкновенного интеллектуального потенциала, который, на мой взгляд, и позволил предвосхитить, а во многих отношениях и превзойти Кейнса в решении актуальных проблем, поставленных ходом развития XX века. Начало такому пониманию Калецкого положил американский профессор Лоуренс Клейн в рецензии на биографию Кейнса, написанную Харродом еще в 1951 году, отметив, что Калецкий создал такую систему «которая не только содержит в себе все основное из того, что есть в кейнсианской системе, но во многих отношениях ее превосходит». (Klein, 1951)

Подобная оценка вклада Калецкого в экономическую науку впоследствии признавалась очень многими. В частности, имея в виду основные положения кейнсианства, ближайшая и выдающаяся сподвижница Кейнса Джоан Робинсон свидетельствовала, что «Михаил Калецкий имел бесспорное право на приоритетность их публикации. С благородством настоящего ученого (которое, к сожалению, весьма редко встречается среди них) он никогда не упоминал этот факт. И в самом деле, за исключением затронутых авторов, ни-

кому особенно не интересно знать, кто напечатался первым. Интересно то, что два мыслителя, исходя из совершенно различных политических и интеллектуальных позиций, должны были прийти к одним и тем же выводам. Нам в Кембридже это было очень приятно. Окружённые полным непониманием, мы переживали моменты, когда почти начинали сомневаться: кто сошел с ума, мы или другие. В серьезных науках оригинальная работа состоит в открытии – нахождении связей, которые всегда существовали в ожидании, что их увидят. То, что это могло произойти в экономической теории, придало нам уверенность в том, что открытое нами действительно существовало» (Kalecki and Keynes, 1964, p.337).

На протяжении всей своей жизни Калецкий оставался великим тружеником науки, фундаментальным в разработках и твердым в убеждениях, но скромным в претензиях. Он никогда не напоминал о том, что сделал пионерские открытия, названные именем другого, хотя вряд ли получал удовлетворение от того, что его часто называли одним из последователей Кейнса. Тем не менее, он высказывался не только в духе полного признания вклада Кейнса, но также подчеркивал его роль в распространении их идей, что не могло бы произойти, если бы за ними не стоял его всемирный авторитет. Лишь в конце жизни, подготовив сборник своих трудов к изданию на английском языке (вышедший в свет к тому же после его смерти), Калецкий со свойственной ему немногословностью отметил: «Первая часть включает три работы, опубликованные в 1933, 1934 и 1935 годах на польском языке прежде, чем появилась Общая теория Кейнса, в которых, как я уверен, содер-

жится ее основное содержание» (Kalecki, 1971, p.V11).

Эти слова не были претензией, а представляли сухую констатацию совершившегося к тому времени на Западе широкого признания вклада Калецкого в экономическую науку. Дж. Робинсон не только высоко оценила вклад Калецкого, но отмечала его превосходство в разработке ряда проблем, в частности, теории стоимости и цены, что Кейнсом по существу было обойдено. Она указывала также на важнейший вклад, внесенный Калецким в марксистскую теорию. По ее мнению, Калецкий развивает свою теорию эффективного спроса в марксистском контексте, принимая в расчет реализацию прибавочной стоимости, которая у Маркса осталась весьма туманной (Robinson, 1949, p.40-41).

Из множества западных экономистов, разбиравших творчество Калецкого, отметим Джорджа Фейуэлла, в чьем фундаментальном исследовании показано, что революция в экономической науке в XX веке, известная под названием кейнсианской по праву должна называться калецкианско-кейнсианской. «Михаил Калецкий, – пишет Фейуэлл, – заслужил важное место в истории экономического анализа и политической экономии своим предвосхищением кейнсианской революции, из которой развилась современная макроэкономическая теория, а его модель во многих отношениях выше и демонстрирует существенную оригинальность. Составившая эпоху монументальная книга Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» была опубликована в 1936 году. А еще в 1933 году в стороне от основного течения традиционной экономической теории неизвестный польский экономист без всякой связи с Кейнсом открыл все основные ком-

поненты, которые вошли в кейнсианскую аналитическую систему, и нашел им удачное применение. В дополнение к сделанному вкладу в других областях, таких как соединение теории совокупного производства, стоимости и распределения, система Калецкого достигла большего успеха в объединении элемента динамики с инструментами статического анализа, которые несколько путано представлены в «Общей теории» Кейнса» (Feiwel, 1975, p.27).

При всей близости ряда коренных подходов и решений у Кейнса и Калецкого, их концепции и логика существенно расходятся по широкому кругу проблем. Одной из них является та неясность в инструментах анализа, о которой выше упомянул Дж. Фейуэлл. Она вытекает из того, что Кейнс строил свою теорию путем пересмотра макроэкономических постулатов классической и неоклассической теорий, не затрагивая при этом их микроэкономический аспект. Иначе говоря «Общая теория...» Кейнса покоится на микроэкономической теории Альфреда Маршалла, исходящей из господства свободной конкуренции. Одна же из фундаментальных идей Калецкого состоит в том, что свободная конкуренция сохраняется лишь в ограниченной сфере так называемого неэластичного спроса – на продукты сельского хозяйства и добывающих отраслей. В основном же секторе экономики, доказывал Калецкий, господствует несовершенная (монополистическая или олигополистическая) конкуренция, что ставит фирмы в условия, глубоко отличные от совершенной конкуренции.

Один из исследователей творчества Калецкого М. Сойер высоко оценивает ранние его работы как раз за то, что в них обоснована идея смены характера конкуренции.

«Эти работы, – пишет М.Сойер, – важны для подведения оснований под макроэкономике, построенную на том общем взгляде, что капитализм характеризуется не совершенной конкуренцией, а скорее несовершенной конкуренцией, олигополией и монополизмом. Олигополистическая природа индустрии становится важной для объяснения таких ключевых переменных как инвестиции, распределение дохода и занятость» (Sawyer, 1985, p.6).

Слабость кейнсианской макроэкономической теории, состоящая в том, что она молчаливо исходит из существования совершенной конкуренции, дала основание неокейнсианцам (Самуэльсон, Хикс, Хансен и др.) перенести акцент от совокупного предложения к совокупному спросу и тем самым превратить кейнсианство в теорию совокупного спроса. На этом переносе акцента с одной части на другую основан знаменитый «неоклассический синтез», который превратил кейнсианство в разновидность неоклассической и даже монетаристской теории.

С калецкианством подобная операция невозможна именно потому, что здесь макроэкономическая теория опирается на микроэкономический анализ деятельности фирм в условиях несовершенной конкуренции. Системное единство микро- и макроэкономики исключает включение в калецкианство логически несовместимых и чужеродных компонентов. Логическая обоснованность и соответствие реалиям конца XX века делают калецкианство фундаментально разработанной альтернативой неоклассической теории, рекомендации которой относительно рыночных реформ в странах Центральной и Восточной Европы полностью провалились. Насколько мы мо-

жем судить, в наследстве Калецкого больше, чем в каком-либо другом, заложены начала той альтернативной теории, которая сегодня нам более всего необходима для эффективного осуществления преобразовательных процессов, а следовательно, и решения вставших перед нами проблем.

Провал рыночных реформ, их плачевные итоги со всей убедительностью показали, что ценности и модели цивилизации, за спиной которой стоят столетия эволюционного развития и рыночной культуры, нельзя искусственно и одним взмахом привить другой цивилизации, за спиной которой иное прошлое с вековой ролью государства, семидесятилетним периодом плановой экономики с высоким уровнем монополизации. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Монополии господствуют в экономике всех развитых стран. К ним можно и нужно приспособиться, но избавиться от них невозможно иначе как путем варварского разрушения экономики, чем и занимались российские «реформаторы» в последние годы.

Все народы встали перед необходимостью освоения достижений современной научно-технической революции. Но это никак нельзя отождествлять с необходимостью механического восприятия англо-саксонской модели развития. Каждый способен это сделать своим собственным путем, в соответствии со своими ценностями и выработанным в течение тысячелетий менталитетом.

Камнем преткновения на пути перехода восточноевропейских стран к рынку стал вопрос о соотношении роли государства и класса капиталистов. По рекомендации западных стран мы практически отказались от экономической роли государства в на-

дежде, что возникший в результате тотальной приватизации класс капиталистов будет больше, чем государство, заботиться о развитии экономики и благе народа. Но ничего подобного не произошло, и теперь ясно, что и ожидать этого не следует. Возникших криминальным путем представителей крупного капитала никак нельзя отождествлять с западным предпринимательским капиталом, воспитанном на других традициях и морали и – пусть и не всегда и не во всем, – но осознающих ответственность перед обществом и народом. Наш собственный класс является совершенно другим. Он способен заботиться лишь о собственном обогащении, презирает свой народ, его законы и мораль.

Короче говоря отказавшись от регулирующих функций государства и перейдя на принципы «*Laissez faire*» мы только приоткрыли ящик Пандоры, откуда немедленно посыпались на нас несчастья и страдания. В стране воцарился полный произвол. Экономические показатели покатились вниз, а смертность населения пошла вверх. Мы начали разваливаться по всем швам. Теперь едва ли удастся остановить принявший лавинообразный характер развал, если в соответствии с нашей традицией не восстановить созидательную роль государства. То же самое надо сказать о той или иной разновидности планирования, с помощью которого только и можно обеспечить в наших условиях полную занятость и эффективность использования ресурсов. Иначе говоря, мы встали перед необходимостью смены парадигмы развития, однозначно упрощенных определений капитализма и социализма, нахождения какого-то их симбиоза, обычно называемого конвергенцией.

Для этого нужны новая философия сво-

боды, демократического государства и экономического развития, в рамках которой теоретические идеи и экономико-математические модели Калецкого имеют для нас особое значение. Учитывая печальный опыт прошлого тотального мышления, на мой взгляд, ничего не следует принимать или отвергать целиком. Во всех концепциях, включая неоклассическую, имеется немало рационального и нужного нам. Тем не менее практическая ценность различных концепций неодинакова. Так, калецкианство, мне кажется, для нас ценнее даже кейнсианства. Кейнсианская модель отвечает на вопрос о том, как приближать экономику к состоянию полной занятости. Калецкианская модель идет гораздо дальше. Она отвечает и на вопрос о том, как экономика может функционировать при полной занятости всего трудоспособного населения: путем выбора наиболее эффективного варианта инвестиций, обеспечивающего пропорциональный рост экономики и благосостояния.

Признавая необходимость разработки новой теории экономического развития, отвечающей нашим сегодняшним потребностям, и огромное значение для этого наследия Калецкого, следует со всей определенностью подчеркнуть и другое. Речь идет не об идеализации какой бы то ни было готовой рецептуры решения проблем перехода к рыночной экономике – а мы говорим именно о таком переходе – будь то теория Кейнса или Калецкого. Речь идет об отказе от того, что нам не подходит, и принятии того, что ставит нас на верный путь, при том неременном условии, что двигаться по нему надо будет собственными творческими усилиями и изобретательностью как в теории, так и на практике.

ЛИТЕРАТУРА

Brus W. «Kalecki's economics of socialism». Oxford Bulletin of economic and statistic. Vol. 39.

Feiwel G.R. The intellectual Capital of Michal Kalecki. Macmillan Press. 1975.

Feiwel G.R. The Intellectual Capital of Michal Kalecki. The university of Tennessee Press. Knoxville. 1975.

Kalecki Michal. Selected essays on the dynamics of the capitalist economy. Cambridge. At the University Press. 1971.

Klein L.R. The Life of John Maynard Keynes. Jornal of Political Economy. Okt. 1951.

Reynolds P.J. Political Economy. A Synthesis of Kaleckian and Post Keynesian Economics. Brighton, 1987.

Robinson Joan (1979)/ Collected Economic Papers? Vol. V (Oxford: Basil Blackwell) p.187.

Robinson Joan and Modern Economic Theory. Edited by George R. Feiwel. Macmillan Press. 1989. P.87.

Robinson Joan. «Kalecki and Keynes» in Problem of Economic Dynamics and Planning. Essays in Honour of Michal Kalecki. Warszaawa 1964. p.337.

Robinson Joan. An essay on marxian economics. London.M. 1949. p.40-41.

Sawyer M.C. The Economics of Michal Kalecki. Macmillan Press. 1985.

Secomski, K. «Michal Kalecki 1899-1970», Nauka Polska, № 1(1971).

Всемирная история экономической мысли. Т.5. М. «Мысль», 1994. Гл.5.